

Глава 5. Корейская политика России и отношения с Японией

5.1. *Историография*

До 1917 г. на тему русско-корейских отношений, если не брать во внимание несколько популярных брошюр, было подготовлено лишь одно исследование, основанное на архивных документах, – это труд П.Н. Симанского, одна из частей которого имела характерный подзаголовок «Борьба России с Японией в Корее»¹. Он впервые подробно описал русско-корейские отношения рубежа веков, представив русскую политику в королевстве как миролюбивую по сравнению с японской. П.Н. Симанский стал первым автором, кто отметил значительное расхождение в планах Петербурга и деятельности российских представителей на полуострове, особенно после 1897 г. В общем, военный историк рассматривал Корею как поприще борьбы исключительно двух стран и сетовал на то, что российское руководство фактически само уступило эту страну Японии.

В советской историографии число работ, посвящённых русско-корейским отношениям и политике Петербурга в королевстве, было невелико. В 1957 г. увидела свет большая статья В.П. Нихамина², основанная на его кандидатской диссертации, защищённой в 1948 г. Несмотря на то, что она освещает лишь небольшой период русской политики в Корее, а именно 1895–1896 гг. (попытка японского переворота, бегство короля в русскую миссию, заключение русско-японских соглашений по Корее), работа, тем не менее, имеет важное значение благодаря обстоятельности автора и обоснованности его позиции. Он подчеркнул сдержанность российской политики в королевстве, заметил разницу в позициях Петербурга и его представителей в Корее. Для России В.П. Нихамин в общем оценивает это время как период упущенных возможностей.

¹ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч.1. Борьба России с Японией в Корее. СПб., 1910.

² Нихамин В.П. Дипломатия русского царизма в Корее после японо-китайской войны (1895–1896 гг.). По документам Архива внешней политики России // История международных отношений, история зарубежных стран. М., 1957. С.137–172.

В 1979 г. Б.Д. Пак издал первое и пока единственное в отечественной историографии исследование, посвященное русско-корейским отношениям за всю их историю (до 1917 года). В 2004 г. появилось второе издание этой книги, значительно дополненное³. На основании большого документального материала Б.Д. Пак показал политику Петербурга в отношении королевства как противоречивую, но никогда не агрессивную, не нацеленную на поглощение слабого соседа. Лейтмотивом действий России на Корейском полуострове являлось «сохранение независимости, территориальной неприкосновенности» Кореи (С.418). Причины такого альтруизма крылись, по мнению Б.Д. Пака, в опасениях за целостность собственных рубежей: «Не допустить, чтобы агрессивные государства превратили Корею в плацдарм для враждебных действий против русских дальневосточных владений» (С.418). Конечно, такие опасения имели место, но не только они руководили действиями Петербурга. Тем не менее, как полагает автор, в конце XIX века российские правящие круги «не строили планы присоединения Кореи к России, а стремились лишь к упрочению там русского политического влияния и одновременно готовы были пойти на компромисс с Японией по корейскому вопросу» (С.276). Важной гранью в действиях России стал 1898 г., когда империя «начинает идти на уступки Японии в Корею» (С.416). Годы с 1898 по 1905 Б.Д. Пак выделил как время сильных русско-японских противоречий по Корею и время «попытки экономического наступления на Корейском полуострове» России (С.417). Однако никаких фактических подтверждений такому «наступлению» в 1898 г. или позднее автор не привёл (нельзя же в качестве такового рассматривать концессию Бринера). Всю «экономическую» часть Б.Д. Пак свёл к обсуждению вопроса о приобретении железнодорожных концессий на полуострове, признанного в 1898 (!) г. С.Ю. Витте несвоевременным (С.308). Историк совершенно справедливо расценил позицию министра финансов как желание уступить Японии в Корею после захвата Порт-Артура. Соискателями же концессий в Корею были в основном предприимчивые аферисты, люди с сомнительной репутацией, прежде всего, для того, чтобы выгодно перепродать их. Никакого реального экономического интереса России к Корею в то время не наблюдалось.

В целом книга, основанная на первосортном фактическом материале, написанная знатоком проблемы, строится на отрицании колониальных даже не планов, а мечтаний, амбиций в отношении Кореи. Выводы Б.Д. Пака из весьма неоднозначного и противоречивого курса России в Корею очень просты и сводятся к констатации того, что Петербург никогда не вёл себя агрессивно, стремясь развить с соседкой взаимовыгодные контакты и добрососедские отношения, защищая её по мере возможностей от японцев. Такое «спрямление» русской политики, представление её исключительно как точку зрения Петербурга, отсече-

³ Пак Б.Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М., 2004.

ние всех её поворотов и изгибов, противоречит реальному содержанию книги. Автор неоднократно признаёт желание у правящих кругов России «установления в будущем своего безраздельного (! – И.Л.) политического влияния на Корейском полуострове (С.307 и др.). Это невозможно истолковать иначе, как желание видеть Корею своей колонией или, как минимум, установить режим протектората над ней. Утверждение такой «миролюбивости» России – отражение установок, данных ещё для «позднесоветской» историографии и отчасти сохраняющихся до настоящего времени, когда Российскую империю изображали не как одну из великих держав, также стремившуюся захватывать колонии, а как миролюбивую страну, окружённую враждебными соседями, близкими и дальними.

В 1990-е гг. в России исследование истории Кореи и русско-корейских отношений заметно оживилось. Отчасти это можно связать с исчезновением большинства «запретных тем» и с открытием ряда малодоступных до того архивов, отчасти – с активностью граждан Республики Корея, учившихся в аспирантуре в России. Одной из первых таких работ была кандидатская диссертация Пак Ро Бёга «История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг.», защищённая в 1993 г.⁴ Построенное преимущественно на архиве российского Министерства финансов, исследование основное внимание уделяет экономическим связям королевства. Это необычный подход к русско-корейским отношениям, так как объём товарообмена двух стран был весьма невелик: на долю России приходилось не более 1% внешнеторгового оборота Кореи. Кроме того, Петербург не рассматривал соседнее королевство как перспективного торгового партнёра. Разумеется, что весь интерес, проявляемый к корейским концессиям или займу был связан не с экономическими, а с политическими соображениями. В связи с этим концепция автора выглядит противоречивой. Он, в частности, утверждает, что Россия до 1898 г. придерживалась пассивной и выжидательной политики⁵. Одновременно Пак Ро Бёг пишет об активных действиях С.Ю. Витте в королевстве с 1896 г., связывая это с интересами строительства КВЖД и поиском незамерзающего порта⁶.

Истории корейской политики России до войны с Японией посвящено первые три главы (С.20–147) монографии Пак Чон Хё⁷. Несмотря на то, что автор неплохо осведомлён о литературе проблемы на русском, корейском, японском и английском языках, его текст представляет собой по большей части пересказ трёхтомника П.Н. Симанского.

⁴ Пак Ро Бёг. История корейско-российских отношений (торгово-экономические аспекты). 1884–1903 гг. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 1993.

⁵ Там же. С.15.

⁶ Там же. С.12, 17.

⁷ Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997.

В выгодную сторону от предыдущей отличается книга другого южнокорейского историка – Чой Доккю⁸. Автор избрал предметом своего исследования действия в Корее двух российских ведомств: финансов и морского. Так как их позиции сильно отличались, то книга объединяет два самостоятельных очерка. Чой Доккю уверен, что Корея являлась одной из целей, а не средством, в политике С.Ю. Витте. Он доказывает это планами железнодорожного строительства в королевстве (С.24–25), историей учреждения Русско-Корейского банка (впервые в историографии) (С.32–41, 48–67) как кредитного института, который сосредоточил бы в своих руках все денежные операции королевства. Однако автор, как мне кажется, не понял мотивов политики Петербурга в Корее, в том числе и С.Ю. Витте. Чой Доккю усмотрел в смене финансовых методов силовыми («так называемое мирное экономическое проникновение в Корею неизбежно повлекло за собой операции по его военному обеспечению» – С.141) универсальный алгоритм всей российской дальневосточной политики. В общем, это справедливо, но как раз не в отношении королевства. Автор исходит из того, что политика С.Ю. Витте в Маньчжурии и Корее развивалась по одному сценарию, и что на полуостров также распространялось «мирное экономическое проникновение» (С.141). Однако это был лишь небольшой эпизод в действиях министра, захвативший вторую половину 1897 – начало 1898 г. и связанный с трудностями приобретения незамерзающей гавани в Китае. Как только Россия получила Порт-Артур и Даляньвань, корейская политика претерпела радикальное изменение. Наоборот, отношение Морского министерства к королевству за десятилетие перед русско-японской войной совершенно не менялось и сводилось к желанию получить на корейском побережье незамерзающий порт. Правда, справедливо другое заключение Чой Доккю – о глубокой противоречивости корейской политики России (С.144).

В 1998 г. увидела свет небольшая (всего 80 страниц) книга профессионального дипломата Ю.Н. Розалиева, посвящённая истории русско-корейских отношений⁹. Несмотря на то, что она представляет очерк, написанный для широкого круга читателей, автор весьма хорошо осведомлён в предмете и явно использовал обширные документальные материалы. К сожалению, концепция очерка носит скорее политический характер и призвана не исследовать вопрос, а оправдать российскую политику в королевстве, в том числе и на рубеже XIX–XX веков как лишённую всяких захватнических помыслов.

В 2004 г. издательство «Восточная литература» напечатало книгу Ю.Е. Пискуловой «Русско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в.»¹⁰.

⁸ Чой Доккю. Россия в Корее: 1893–1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.

⁹ Розалиев Ю.Н. Из истории русско-корейских отношений. М., 1998.

¹⁰ Пискулова Ю.Е. Русско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в. М., 2004.

Из 152 страниц издания авторский текст занимает 96 страниц и он при ближайшем рассмотрении сильно напоминает книгу Ю.Н. Розалиева, начиная с общего подхода и заканчивая фактическим материалом, вплоть до мелочей, иногда не всегда точных (например, о вложении Ю.И. Бринером в лесную концессию 150 тыс. золотых рублей – у него никогда не было таких свободных денег (Розалиев – С.34; Пискулова – С.49) и т.п. Автор скромно умолчала об источнике своих знаний, впрочем, в список литературы книга Ю.Н. Розалиева всё-таки попала.

В 1997–2004 гг. Б.Б. Пак опубликовала масштабное исследование, посвящённое русско-корейским отношениям с 1880-х гг. по 1897 г.¹¹ Это на сегодняшний день наиболее хорошо документированное и подробное исследование русско-корейских отношений конца XIX века. Оно выполнено в основном на архивных материалах, преимущественно АВПРИ и РГИА. Однако в детальности и строгих рамках есть не только положительные моменты. Автор исследует корейскую политику Петербурга как самостоятельное направление, не увязывая её с политикой в регионе. Такой подход гарантирует значительные исследовательские трудности, так как действия России на Корейском полуострове не были самоцелью и практически всегда играли подчинённую роль в отношении других, более существенных проблем (отношения с Китаем или Японией, незамерзающий порт, Маньчжурия и др.). Б.Б. Пак также рассматривает корейскую политику России как курс Министерства иностранных дел, игнорируя тот факт, что со второй половины 1890-х гг. сильное, а нередко и доминирующее влияние на дальневосточные дела оказывал министр финансов С.Ю. Витте, чьи взгляды часто расходились с представлениями внешнеполитического ведомства¹². А были ещё моряки, Военное министерство со своими специфическими интересами. Это предопределило некоторую противоречивость исследования и нерешённость ряда проблем. В частности, автор рассматривает русскую политику 1895–1904 гг. в королевстве как единую¹³. Она, как и Б.Д. Пак, сводит её к одной формуле – сохранение status quo, не замечая многих колебаний такой линии (да и по сути это будет не вполне точно). Однако в отличие от Б.Д. Пака, Б.Б. Пак подмечает разницу во взглядах и действиях российских дипломатов в Корее и их петербургского руководства. Но, к сожалению, она нивелирует её, сводя проблему лишь к степени активности (дипломаты на местах энергичнее противодействовали японцам)¹⁴. Б.Б. Пак также неточно оценивает действия российской дипломатии в

¹¹ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга первая. М., 1998; Книга вторая. 1888–1897. М., 2004.

¹² Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004. С.223 и далее.

¹³ Там же. С.222.

¹⁴ Там же. С.226.

1894–1895 гг. как стремление добиться признания Японией независимости Кореи¹⁵. Дело в том, что независимость Кореи составляла цель японской, а не российской политики и рассматривалась в Токио как отрыв Сеула от Пекина и как первый шаг для установления своего господства в королевстве. Неясно также, как сочетать такое стремление и справедливо отмеченное желание российской дипломатии сохранять на Крайнем Востоке status quo. Ведь независимость Кореи объективно означала ослабление Китая, что само по себе было весьма нежелательно для России, не готовой к грядущему, как тогда казалось, разделу Срединной империи. Это также означало неизбежное усиление японского влияния на полуострове, что вынуждало Петербург к ответным действиям (России не хотелось увидеть Японию своей соседкой на континенте). В целом же добротное выполненное исследование Б.Б. Пак, как и монография Б.Д. Пака, оставляет ряд вопросов, связанных как с увязкой линии России относительно Кореи с общим курсом на Дальнем Востоке, так и с многочисленными несостыковками в политике империи.

В англоязычной историографии в изучении российской политики в Корее выделяется книга Дж. Лензена¹⁶. Он рассматривает курс Петербурга как противостоящий Японии и нацеленный на сохранение независимости Кореи. Дж. Лензен – один из немногих историков, кто не преувеличивал агрессивность России на полуострове. Он также подметил разницу между российскими дипломатами в Корее (К.И. Вебер, А.Н. Шпейер) и позицией Министерства иностранных дел. Автор много внимания уделил внутрикорейским событиям и политике короля, полагая, что они серьёзно влияли на действия России в королевстве. Наконец, он связал уход России большей частью с изменением позиции Сеула, чем пересмотром в Петербурге своих целей на Крайнем Востоке.

5.2. Возникновение русско-корейских отношений и позиция России относительно Кореи

Российская политика на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX была полна противоречий, но даже на этом фоне действия Петербурга в Корее выглядят особенно неопределёнными и непоследовательными.

С 1870-х гг. Корея оказалась объектом экспансии сначала Японии, а затем и западных держав, стремившихся к открытию корейских портов для иностранцев. С 1876 г. она заключила ряд неравноправных торговых договоров с Германией, Англией, США. Правда, Сеулу они были нужны едва ли не больше, так как формально Корея находилась в вассальной зависимости от Китая, подписание же подобных соглашений делало её правомочным субъектом между-

¹⁵ Там же. С.224.

¹⁶ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Presses of Florida, 1982. Vol.I–II.